

И.И.Глебова

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ВЛАСТИ: ФЕНОМЕН ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ

¹ Палеолог М. *Россия во время мировой войны*. М., 1991. С. 116.

Когда-то М.Палеолог, посланник союзной Франции при русском дворе, писал о великой княгине Елизавете Федоровне, вдове дяди Николая II Сергея Александровича и сестре последней императрицы, как о «странном существе, вся жизнь которого представляется рядом загадок»¹. Ее посмертная судьба тоже выстраивается каким-то странным, загадочным образом. Очередной удивительный поворот приходится на наше время. 4 августа 2004 г., в год празднования 140-летия со дня рождения святой преподобномученицы Елизаветы и 95-летия основанной ею Марфо-Мариинской обители, в Москву прибыли ее святые мощи. Процедуру встречи – в аэропорту Домодедово, за всеобщим бдением в храме Христа Спасителя – транслировали все российские телеканалы. Далее мощи отправятся в паломничество, которое займет полгода – в Свято-Данилов монастырь, по городам России и стран СНГ (Украины, Белоруссии, Молдавии и Казахстана). И сами станут объектом паломничества тысяч и тысяч верующих граждан бывшего СССР, объединяя их на некоторое время в единое символическое пространство.

Далекое от церкви и веры современники тоже получили возможность приобщиться к елизаветинской истории. Встреча святой ознаменовалась появлением в Москве (в порядке социальной рекламы) баннеров с образом Св. Елизаветы, проиллюстрированных портретом молодой великой княгини, одной из первых красавиц высшего света в 1880—90-е – начале 1900-х гг. Акция, в которой святая преподобномученица была представлена как светская дама, идеальный женский тип («ангел чистой красоты») модных сейчас времен «поздней империи», очень естественно вписалась в рекламный ландшафт, визуальный облик современной Москвы. Двойственный и (в тоже время) абсолютно не противоречивый новый образ соответствовал общему тону, идее наружной московской рекламы: эстетика плюс доступность и полезность равны максимуму продвижения. Красивая нездешней, не очень понятной сейчас красотой, Елизавета Федоровна в белом кружеве, шитье, жемчуге (а не в трауре или одеянии настоятельницы), вся – загадка (из) прошлого, отвечает стремлению современного «усредненного» россиянина наполнить свою жизнь приятными воспоминаниями. Она символизирует ту Россию, из которой пришли дворянские балы и собрания, кадетские корпуса,

«сибирские цирюльники» и названия элитных поселков («Дворянское гнездо», «Долина грез», «Княжье озеро»).

Чем вызвано внезапное возвращение Св. Елизаветы на русскую родину именно сейчас, в начале XXI в., эпоху глобализма, дегуманизации, конца исключительности, мессианства России, всеобщего неверия, беззакония и вседозволенности? Какие ценности она, новая русская святая, призвана продвигать? Какие силы в современной России заинтересованы в ее появлении? И, наконец, каким чувствам, настроениям, идеалам россиян она отвечает, какое место может занять в их картине мира? Ответы на эти вопросы не так очевидны, как это может показаться на первый взгляд.

Мобилизация православных символов есть инициатива и предмет забот РПЦ. Акция по возвращению из Иерусалима в Москву мощей Св. Елизаветы связана, прежде всего, со сближением РПЦ и РПЦЗ (Русской православной церкви за границей). В публичном информационном пространстве сами мощи названы «святыней, объединяющей церкви». Собственно, великая княгиня еще до материализации своего присутствия в России послужила объединительному процессу двух «братских» церквей, отчасти компенсирующему РПЦ утрату верующих и православных территорий, придающему ей «наднациональный» характер. Причислив в 1992 г. к лику святых мучениц великую княгиню Елизавету (и сестру Варвару Яковлеву), Архиерейский Собор РПЦ признал ее канонизацию заграничной церковью. Так начинался процесс принятия демократической Россией и её церковью, осенявшей собою новую, еще не окрепшую и искавшую символических опор, власть, зарубежной, эмигрантской России; легитимации ее идеалов, идей, веры. Так возвращалось в постсоветскую страну ее антикоммунистическое прошлое. Одним из символов этого возвращения стала Елизавета Федоровна. Канонизация подвела итог ее скорбного пути, начавшегося после большевистской революции: арест, ссылка, тюрьма, мученическая гибель – и полное забвение на десятилетия. Кстати, саму Елизавету можно считать своеобразным (анти-)символом советской России: с нее она началась (гибель в июле 1918 г.); ею же и завершилась (канонизация как посмертное покаяние и признание). Великая княгиня была одной из первых реабилитированных жертв, мучениц большевизма, представленных постсоветской России. А потому – инструментом делегитимации Советской власти, коммунистической идеи; восстановления общественного влияния РПЦ. Делу церкви, установившей культ преподобномученицы, святая еще послужит.

В возвращении Елизаветы Федоровны, наряду с церковными, очевидны интересы светские, властные. Прежде всего, московские. Связь столицы с прошлым, на первый взгляд, выглядит парадоксальной. Москва демонстрирует не преемственность, а прерывистость, разделенность нашего прошлого, став (в первую очередь, внешне) символом постсоветской новизны, списанной с Запада современности,

форсированной модернизации. Живя сегодняшним днем, утверждая ценности настоящего, первый город России легко расстается с памятью прошлого: только за несколько месяцев 2004: в непосредственной близости от Кремля уничтожены три архитектурных ансамбля (Манеж, Военторг, гостиница «Москва»), как зеркала отражавших те эпохи, что формируют национальную идентичность (единство через прошлое). Москва 1990-х гг., нового тысячелетия – пожалуй, самая яркая иллюстрация современного отношения к прошлому: это нововед с традициями, где Историю победил: Деньги.

Прошлое для Москвы – ценность функциональная, к которой обращаются для решения практических задач современности. Московская власть хорошо понимает символическое назначение столицы, ее представительскую роль. Имидж Москвы определяют традиционные идеи, унаследованные от далекого, царского, и ближайшего, советского, прошлого: символ державности, центр веры – церкви, большого православия (или веры-идеи), одна из символических опор русской власти и идеологемы ее единства с народом. Здесь прошлое, конструируемое современностью, выступает залогом неизбежности и успешности будущего.

Отсюда – такое внимание к наполнению символического московского пространства, в котором символы светской, лишенной идеологии и культурных стабилизаторов, современности сочетаются с традиционными, православными, адресованными всем москвичам (без различия вероисповедания, происхождения, социального положения) – и россиянам. Поддержание столичного статуса связано с созданием нового пантеона святых – героев, спасителей, мучеников России (объединением после «фрагментности» «местночтимых» в общерусское единство). Св. Елизавета – одна из таких московских святых, рассчитанных на всероссийское распространение. И в тоже время – возможная святая покровительница города. Материализация ее культа связана с созданием новых мест паломничества (московских туристических трасс), главное из которых – восстанавливаемая Марфо-Мариинская обитель на Большой Ордынке. Правда, у святой был еще один дом в Москве – Кремль, символ и средоточие верховной русской власти.

И этой, высшей, власти понадобилась сейчас великая княгиня, преподобномученица Елизавета Федоровна. В качестве одного из символов прошлого, восстанавливающего разорванную связь времен в русской истории; символа национального примирения и единства (Святая Мученица России) и (идеальной) русской власти. Вызов той части прошлого, которое символизирует (в том числе) Св. Елизавета, обусловлен особенностями момента, переживаемого страной.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. та территориально-государственная, социальная, идеологическая общность, что называлась

СССР, пережила глобальный исторический шок, следствием которого стала мутация национальной модели, модификация коллективного прошлого. Тех. с которыми было прожито более 70 лет (почти весь век). Породивший их большевизм, отрицая историческое время (прошлое. Старый порядок, Бога, всю дореволюционную систему ценностей) и пространство (Российскую империю, как фиксированную территорию), противопоставляя им время, революции (как начало истории) и общий «мировой пожар», на практике очень быстро создал новую социальную общность – советский народ. Претендуя на преодоление всех различий (сословных, социальных, конфессиональных, расовых), это единство формировалось как аналог европейской нации. Эта своеобразная, противоречивая в своей основе общность (вненациональная и межнациональная, антирелигиозная и исполненная священной миссии религиозного порядка) нуждалась, помимо идеологии и насилия, в скреплении национально-патриотической идеей.

«Разрыв памяти и тела нации» (П.Нора), порожденный русской революцией, был преодолен за счет национализации и управления историческим временем. Особое, сакральное значение приобрело в советском проекте будущее: оно наделяло современность смыслом, формировало социальное единство – во все разделяющем настоящем. Прошлое использовалось в качестве функциональной, производной от будущего, ценности – как инструмент разрушения «старого» и построения «своего, нового мира». Оно перестало быть пространством свободной интерпретации отдельных лиц, превратилось в направление идеологической работы власти, объект жесткого партийно-государственного контроля и планирования. Из дела частного, общественного («творение» истории) оно стало делом государственным (производство «полезного» прошлого для единой массы – советского народа). Это общее, непротиворечивое, максимально упрощенное, деперсонализированное мы прошлое, «одно – на всех», формировало и образ мира отдельной личности, и национальную идентичность.

Его разрушение в ходе горбачевской перестройки, очередное присвоение политикой было одной из составляющих «кризиса советской идентичности»². Собственно, кризис и советского прошлого, и идентичности начался задолго до эпохи «гласности», которая сделала их очевидными, а историю – публичным достоянием, объектом информационной «раскрутки». Послевоенные стабилизация, консервация, старение советского общества сопровождалась растратой энергетической силы, общественного влияния и «полезности» (для власти) адекватного ему образа прошлого. В конце 80-х – начале 90-х гг. (внешне – совершенно неожиданно, но по существу закономерно) прошлое, еще вчера казавшееся отвлеченной, не имевшей отношения к реальной жизни категорией, стало катализатором деструктивных социальных процессов, инструментом расшатывания

²См. об этом: Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое и кризис советской идентичности» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 81-97.

советской системы. В области прошлого (и по отношению к нему происходило размежевание политических сил, определялись актуальные политические задачи. Общественная дискуссия о прошлом, инициированная властью и доведенная до критического предела «демократическими силами», подготовила страну к «выходу из коммунизма». Мобилизация трагического советского прошлого объединила значительную часть общества в критике социального антиидеала, выразившейся в известной кино-формуле С.Говорухина – «так жить нельзя». Прошлое стало символическим обоснованием идеи и практики социальных перемен; пространством их виртуального проживания, нагнетания настроений их ожидания.

Но вот переворот произошел – и задачей момента для уже нессоветских граждан стало выживание в тех социальных условиях, которые он породил. В то время прошлое ушло – из большой жизни, публичного информационного пространства, оставив постсоветскую Россию наедине с социальными, частными проблемами. Незримо присутствуя в жизни (как улыбка чеширского кота), иногда материализуясь, прошлое обрело приватный характер. Приватизация прошлого в 1990-е гг. связана с разрушением его единства, отказом власти от контроля за ним, его индивидуализацией, адаптацией к интересам, вкусам, запросам массового пользователя (читателя, зрителя, потребителя информации). Прошлое стало объектом тиражирования (в расчете на массовый спрос); его формируют те виртуальные медийные образы, что присутствуют в пространстве публичной информации. Они разнообразны – на любой вкус и выбор; их набор, соотношение, динамику определяет мода, а не властный заказ.

Казалось бы, в этих условиях потеряли свою актуальность идеи и практика управления прошлым, его присвоения политикой, использования для решения политических, социокультурных задач. Однако те же 90-е гг. со всей очевидностью продемонстрировали: ущерб, нанесенный в конце XX в. образу нации, требует возмещения. Вызов памяти становится способом преодоления фантомной боли от утраты мифа о будущем и единого прошлого, национального величия и исключительности, потери пространственности (державности) и торжества региональной децентрализации. Мобилизация прошлого, затребованная обществом и реализуемая властью, приобретает компенсаторный, терапевтический характер. Новый пересмотр прошлого обусловлен стремлением нации (этой коллективной личности) остаться собой, обрести корни, получить моральное, культурное, историческое оправдание своего существования.

Образ прошлого, конструируемый нашей современностью, уникален. Историческая преемственность по-русски всегда состояла в насильственном прерывании традиции – иными словами, переписывании истории. Отрицание прошлого, создание новых образов, подтверждающих, а не противоречащих настоящему, каждый раз

иницировалось властью. Ощущение властной силы, полноты, ресурсной достаточности проявлялось в отказе от «ненужного» прошлого, презрении к традиции или способности поставить ее на службу. Инициаторами создания истории Московского царства и легитимации за ее счет власти московского царя были Иван III и Иван IV. Величие Петра I и Екатерины II подкреплялось «правильной» историей романовской династии. Советская Россия со всей революционной одержимостью отринула свое прошлое, а затем отобрала из него «нужные» детали. Известны сталинские эксперименты с прошлым. Прорвавшийся к власти Хрущев, преодолевая культ вождя народов, изменил недавнюю историю: были поставлены под сомнение непогрешимость и величие Сталина и Жукова, главных героев войны, творцов Победы в представлениях советских людей. Чем сильнее была власть, тем больше она деформировала историю, переписывая ее «под себя».

Постсоветская Россия идет другим путем: не отрицая и не отторгая травмирующее прошлое, а синтезируя разные, казалось бы, несовместимые образы, конструируя непрерывность и преемственность собственной истории. В этом – ее близость французскому и английскому опыту. У нас сейчас востребовано разное прошлое – коммунистическое и антикоммунистическое, эмигрантское и советское, Ленин, Сталин и Николай II, Александра Коллонтай и Елизавета Федоровна. Примирение с прошлым, постсоветский коллаж антагонистических эпох и героев, их согласование с современностью затребовано нашим временем: медийным, плюралистичным, «снисходительным», временем ценностной мозаики и информационных предпочтений, отсутствия ярко выраженных и проявляемых убеждений. Современность трансформировала национальное чувство: утратив мощное гражданское начало, оно индивидуализировалось, стало атрибутом частной жизни, приобрело преимущественно эмоциональный характер.

Наше время демонстрирует исчерпанность (для общества) классических оппозиций (старая царская Россия – новая советская Россия, коммунистическая Россия – демократическая Россия). Отсутствие приверженности им формирует общественную лояльность к синтезу, возможность и желание принять свое разное прошлое. В тоже время в обществе растет интерес к «ценностям-убежищам» (П.Нора) – к тому, в чем Россия еще сохранила хоть какой-то доступ к национальному величию (ко всем формам ее культуры, истории). Все это создает принципиально иную, не характерную для России и русских, ситуацию в пространстве прошлого. Именно здесь, в информационно-символической сфере, встречаются власть и народ. Пока социальную потребность в прошлом удовлетворяют (в равной мере) и общество, и власть. Хотя присутствие власти в этом пространстве становится все более ощутимым, оно связано не с принудительным насаждением и культивированием ею же избранных образов

и интерпретаций, а с материализацией народного выбора, его приспособлением для решения собственных задач.

Когда в начале 90-х гг. новая демократическая Россия потрясала окружающий мир и собственных граждан разоблачениями вчерашнего, коммунистического прошлого, казалось, что она выбрала немецкий путь – покаяния и отторжения нежелательного, травмирующего нацию (нацистского) прошлого³. Россия в очередной раз обманула мир, хотя демонстрационный отказ от коммунизма (признание тупиковости этого пути, его неорганичности для страны) был во многом связан с ее стремлением попасть в «семью» «братских» европейских народов, вернуться в лоно «мировой цивилизации». Замещением «славного» советского прошлого на некоторое время стала «Россия, которую мы потеряли» (еще одна известная формула С.Говорухина). В середине 90-х гг. произошла реабилитация той, старой России (своеобразный эмигрантский реванш), восторженное принятие обществом (во всяком случае, значительной его частью) наполненного желанными смыслами нового идеала. Кульминацией этого процесса стало захоронение в 1996 г. останков царской семьи – и после этого «романовские страсти» поутихли. В переполненное имперскими символами информационное пространство стали проникать знаки, свидетельства, ценности уже основательно подзабытой советской эпохи. Забвение травмирующих национальное сознание эпизодов коммунистического прошлого (ГУЛАГа, насилия, очередей, социального унижения), истории с советским гимном и мавзолеем Ленина, новая героизация и очищение от «историографической накипи» и публицистических разоблачений Великой Победы, появления на экранах «старого» кино (7 ноября – снова «Неуловимые», повторение «штирлиц-бума»), обращение к «советской тематике» театра – вот этапы возвращения в коллективную память лучшей, романтизированной части нашей (более чем 70-летней) истории. Новое поколение, родившееся в демократической России, выросло на советских (как, впрочем, и антисоветских) символах, приняло их в себя (у нас по-прежнему «все лучшее – детям»). В 2004 г. – новый виток «романовской» истории, которую представляют не только «вечно живые» Петр и победы русского оружия, а сложные и непонятные модерн, власть и общество начала XX в.

Все эти образы (люди, события, эпохи) имеют мало отношения к прошлой реальности – они призваны поддерживать, «лечить», конституировать день сегодняшний. Они – продукт индустрии по производству «полезного» современности прошлого. Сверхзадача нашего времени, которая уже решается, – слить все образы в одно неразрывное целое, одну Россию (как общее обозначение всех возможных России). Множественность прошлого, свобода выбора героев и ценностей определяет сейчас природу нашей идентичности, укореняющей совсем другую, чем раньше, нацию-социум, территорию, государство. Соотношение разного прошлого, преобладание тех или

³ См. об этом: Бозняк А.И. *Искушение: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?* М 1999. Незавершенность покаяния русских за преступления «сталинского режима» продолжает волновать западный мир. (См.: Scherrer J. *Russia-eln Search of a Useful Past // European History: Challenge for a Common Future*. Hamburg, 2002. P. 90-108). Однако русское покаяние, даже если бы оно состоялось, имело иной смысл: не прагматический (отторжение нежелательного исторического опыта), а исконный, религиозный (поиск смысла, правды в истории).

иных образов соответствует своеобразию этапов, которые проживает общество. Подвижна и актуализированная современностью (в связи с прошлым, но по поводу настоящего) национальная русская идея. За всю историю страны она воплотилась в двух центральных концепциях: Россия «самодержавия, православия, народности» и Россия советской демократии, социального государства и организованного насилия (своего рода «воспитательной диктатуры»). Их синтез, одобренный государственно-патриотической идеей, определяет постсоветский «национальный проект».

В такую сложную информационно-символическую реальность внедрился образ Елизаветы Федоровны – казалось бы, совершенно с ней не совместимый и в тоже время абсолютно ей органичный. Решающим для него является не информационно-имиджевое, а исконное, иконическое значение (образ-икона), в соответствии с которым и происходило его продвижение. Само появление в России (мощей) Св. Елизаветы освещено двумя образами, особенно значимыми для православной церкви: возвращенными из-за границы в августе 2004 г. иконами Богоматери Одигитрии Тихвинской и Казанской Божией Матери. Уже это создавало вокруг великой княгини напряжение символа. Конструирование ее образа связано с концентрацией на двух символических моментах.

Елизавета Федоровна – образчик русского женского идеала: верная, добрая, покорная мужу, готовая разделить его участь («в горе и в радости»). Она естественно входит в галерею растиражированных, всем известных образов «русских женщин» (реальных и художественных): Ярославна; Н.Долгорукая, последовавшая в ссылку за мужем, фаворитом Петра II; Тучкова, ушедшая в монастырь после гибели мужа на Бородинском поле: жены декабристов. Великая княгиня – воплощение (в относительно близком нам прошлом) идеала женщины власти: «голубицы» (что-то есть в этом от отроковицы – женской незрелости, незащищенности, несамостоятельности), чистой и кроткой, берегущей от «дурного» и сдерживающей своего мужчину, служащей и жертвующей ему. Он особенно понятен рядом с грозным царем – как Анастасия Романовна при Иване IV.

Производной от «идеальной жены», придающей завершенность и одухотворяющей весь образ, является «качество» русской святой – праведницы, мольницы, мученицы, вся жизнь которой – подвиг милосердия и служение. Не мужчине – Богу. Елизавету нельзя понять вне веры, а ее образ подвергнуть секуляризации. Его ядро – святость, причем на православный манер. А, значит, и принадлежность нации – русской (православие все еще остается аналогом, показателем, синонимом русскости). Назначение подобных образов (в символической реальности) – отомлить грешную душу России. В конечном счете, это «инструмент» спасения страны.

Символическое ядро образа определяет его конструкцию, из которой убраны все противоречащие ему детали. История Елизаветы

Федоровны в информационном пространстве, для широкой публики выстраивается как калейдоскоп последовательных, связанных общей логикой, кадров: красавица немецкая принцесса влюбляется в русского великого князя, приезд в Россию, замужество, духовная близость супругов – и странности их семейной жизни, бездетность: трагическая гибель ее Сергея, которую она простила его убийце, обесмыслило ее светскую, мирскую жизнь; деятельный подвиг милосердия, благотворительности – и мученический конец⁴. На этом крестном пути Елизавета постепенно «вытравливает» из себя светскость, переходя к святости. Смерть завершила освящение образа. Произошла его героизация – на женский, русско-православный лад. Елизавете Федоровне, немке по происхождению, выпало олицетворять русскую сущность (дух) и русскую святость.

⁴ См., например:
Скорбный путь великой княгини: Немецкая принцесса стала русской святой // Независимая газета. 4 августа 2004 г. С. 5; Памяти великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой посвящается: Документальный фильм (телеканал «Культура». 16 августа 2004 г.).

Сочетание этих характеристик придает высокую рентабельность образу. Характер его продвижения, внедрения в массовое сознание не имеет никакого отношения к святости и духовности, отражая его информационно-имиджевую природу. Инструментализация образа связана с исполнением им двух функций – объединительной и идентификационной. Образ Св. Елизаветы назначен к тому, чтобы служить символом примирения и единства. Он не разделяет – он сплачивает. Как воплощение русского национального идеала, он внутренне близок людям разных эпох, происхождения, «партийной принадлежности». Хотя в образе присутствует черта жертвы, ее развитие не предполагает вынесение обвинения конкретной политической силе. Жертвенность Елизаветы, скорее, имеет вневременной характер – ее гибель символически служит спасению всей России, примирению со своим прошлым. Молясь за врагов, Россию старую и новую, она объединяет всех – силой веры, терпения, всепрощения. Тем самым Св. преподобномученица Елизавета становится символом всей России, преодолевая все противоречия (в том числе, национальные), примиряя правых и левых, демократов и коммунистов, верующих (по-разному) и атеистов. Этот образ – сама воплощенная русская идея. В наше время исторического пессимизма он высвечивает, наделяет смыслом будущее народа.

И в этом Св. Елизавета абсолютно созвучна настроениям российских граждан. Она – ожидаемый символ нашего времени, возвращающий народу веру, силу, достоинство. Елизавета Федоровна, действительно, пример не сломленного (внешней, темной силой), твердого, укрепленного верой русского духа. И в этом смысле она совершенно естественно входит в «обойму» народных героев 90-х гг. – «Брат», «Бригада», «Ворошиловский стрелок», спасители-реформаторы (среди них – Столыпин), романтические героимученики (жизни, идеи, власти – отсюда понятен какой-то странный интерес к императору Павлу). Они объединяют (из отдельных «я») формируют «мы», так необходимое русскому «мы»-созерцанию); дают ощущение оправданности жизни, надежды на торжество в ней

справедливости и Правды. Эти герои – пример веры (верности и служения) – Богу, идее, России. Они обнаруживают и творят душу страны. Интересно, что идеальные типы (социальные герои) советской эпохи строились по сходным принципам. В них очевидны эти русские народные черты: сложное сочетание правды и несправедности, веры и неверия, борьбы со Злом во имя Добра (разными средствами – в том числе, молитвой). Подобие символов разных эпох, продуцируемых на экран наших коллективных идентичностей, еще раз свидетельствует об устойчивости русской «ментальной карты»; наличии архетипических структур, регулирующих глубинные слои коллективного сознания, определяющих специфику политической культуры (сочетание в ней архаичного и современного, ограниченность секулярного начала, ее инаковость по отношению к западному социальному типу, индивидуальной и коллективной душе).

⁵ *Отрицание преемственности, дестанционирование «наследника» от «родоначальника», характерное для русской власти вообще (здесь даже разные периоды одного царствования – правления – президентства – «противостоят» друг другу, – как реформаторские и реакционно-консервативные) и легитимирующее новую власть, не может скрыть естественной связи, предопределенной самой логикой власти.*

⁶ *Анализ результатов последних опросов общественного мнения свидетельствует: значительная часть россиян рассматривает В. Путина как представителя интересов всего народа (41,7%), либо, по крайней мере, среднего класса (20,4%) См.: Шестопал Е.Б. и др. Образ В. В. Путина в сознании российских раж дан // Полис. 2004. № 3. С. 15).*

По тем же причинам Елизавета Федоровна отвечает современным потребностям постсоветской власти, которая сильно изменилась за последние почти 15 лет (2006 г. – скромный юбилей новой русской власти). «Эпоха Путина» со всей очевидностью демонстрирует: «свободную Россию» теснит, ужимает «Россия единая» – концентрированное выражение нашей неделимой, сосредоточенной, все себе подчиняющей власти. Ей снова нужны общее («правильное», желательно великое) прошлое и новые герои Отечества. Однако процесс укрепления, распространения (на традиционный русский лад) постсоветской власти не сводим к последним 5-6 годам. Преодоление «шаткости», поиск опор, установление наиболее органичной, эффективной (в наших условиях) модели власти, ее адаптация к общественному давлению, введение (после всплеска начала 90-х гг.) народной стихии в рамки относительного порядка (упорядоченного хаоса) – все это заслуги первого российского президента. Этот интуитивный, природный человек власти, символ «перехода» от «советскости» к «постсоветскости», стал главным посредником (как и наследником) между советской и современной властными моделями, связав их собой. Успех «кратократического перехода», показателем которого стала передача власти «законному преемнику» (универсальная схема ее трансляции в постсоветской России), во многом обеспечен Б.Ельциным. В.Путин – восприимчив уже сложившейся властной модели, определившейся схемы отношений «власть – народ»⁵.

Поэтому «очередные задачи» несветской власти он выполняет, ориентируясь на народные настроения, используя народные надежды, делая «народное дело». Эта идея (народность власти, воплощаемая ее персонификатором) – главный двигатель путинского продвижения в информационно-коммуникативной среде⁶. Именно ее постоянно ставят под сомнение жизненные реалии (как внутренние, так и международные). Противоречие между коммуникативной-имиджевой реальностью и жизнью создает серьезную угрозу рейтингу

народного доверия к второму президенту России, высокому уровню лояльности к нему граждан. Это особенно опасно в ситуации острого ресурсного дефицита (следствия поздних коммунистически и «демократических» трансформаций 1980—1990-х гг.), в которой действует власть, и проведения крайне непопулярных (антифеодальных реформ. Все это вынуждает власть мобилизовать один из главных (и последний из ресурсов – информационно-коммукативный).

Показательно, что свое продвижение к «управлению» (контролю) над демократией, отвоевание утраченных монопольных позиций власть начала с политики и информации. Монополия в политическом пространстве, подчинение себе происходящих здесь процессов, внедрение идеологии и практики «служебничества» в отношения с политическими акторами (и лишение их за этот счет субъектности собственно, традиционно и делают нашу власть Властью, дают ей возможность контролировать экономику, право, социальную среду. Не случайно, свои позиции здесь она сдает в последнюю очередь (вспомните, как сопротивлялись императоры-реформаторы, дед и внук – Александр II и Николай II – дарованию «населению» политических свобод и представительного учреждения); появление и возобладание в периоды смуты иных политических сил ведет к кризисам падению власти. Очевидна связь между монополизацией властью политического пространства и снижением уровня публичности реальной политики, перемещением в «теневую» (непубличную) сферу значимых процессов, механизмов, лиц (политических теневигов).

Это, в свою очередь, требует компенсации в информационном пространстве: замещения реальности виртуальными конфликтами, столкновениями, борьбой за народные интересы, торжеством закона, демократических процедур и институтов; продвижением «нужных» фигур, событий, интерпретаций. Наше время глобальной информатизации и медиатизации политики в «мировом масштабе» предоставляет колоссальные возможности, контролируя информацию, моделировать реальность. Наполненность, содержание пространства коммуникативной реальности зависит от того, кто занял позицию коммуникатора-монополиста. А степень воздействия на «умы и сердца» реципиентов – (во многом) от возможности получить доступ к альтернативным информационным источникам. Сейчас эта ситуация складывается в пользу власти⁷. Оговоримся, что в России и не-современная (как царская, так и коммунистическая) власть всегда проявляла большой интерес к контролю и управлению информацией. Поэтому свобода информации воспринимается русскими как синоним гражданских свобод вообще. «Гласность» в любые времена обеспечивает пространство свободы для общества, а властью используется как способ канализировать народное недовольство. Причем, чрезвычайно опасный: когда русское общество начинает «говорить», оно становится неуправляемым.

⁷ См. об этом: Соловьев А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. 2004. № 2. С. 124-132.

Все это придает особый смысл информационно-символическим действиям власти, ее работе по «заселению» и медиатизации символической среды. Здесь не только народ артикулирует свои требования к власти, транслируя ее идеальные образы (представления-пожелания), но и власть определяет, каким бы она хотела видеть народ. Моделируя и поставляя в информационное пространство новые символы, народных героев, задающих жизненные образцы, поведенческие модели, она пытается влиять на формирование человека (с определенными идеалами, политической позицией), возвращая тем самым утерянный контроль над процессом социализации. Символика, прошлое-память единой России интегрируются в национальный, социальный, политический консенсус, который власть пытается организовать (в реальности) и смоделировать в информационно-символической среде (с участием новой русской интеллигенции, информационщиков-пропагандистов, экспертного сообщества). До сих пор она чаще воплощала на практике и «возвращала» гражданам в виде информационных посылов их идеальные образы (президента – «отца народов», единой сильной власти, политической партии, защищающей интересы всего народа), желанное им прошлое. Правда, только те, что согласовывались с интересами самой власти (даже ее спорные действия оправдывались тем, что она «ошибается вместе с народом» – так объяснил В.Путин возвращение модернизированного под демократическую идею советского гимна). В последнее время власть начала продуцировать собственных героев, картины прошлого, запрограммированные на высокую лояльность граждан. Герои Отечества, его защитники и покровители, позволяют внести пафос гражданственности в народное чувство, освятить национальное духовно-патриотической идеей.

⁸Цит. по: Кризис самодержавия в России: 1895– 1917. Л., 1984. С. 109.

⁹Стабильно высокий интерес к политике есть компенсация неучастия в ней. Другой полюс неучастия – пассивное участие, одним из проявлений которого является критическое отношение граждан к любым выборам и неверие в значимость собственного влияния на политический процесс. Граждане как бы делегируют власть в политику, выступая не соучастниками, а наблюдателями и критиками ее действий.

Образ Св. Елизаветы, к которому власть проявила (явно недостаточный) интерес, гораздо сложнее безусловных героев-«силовиков» и открывает новые возможности для власти в продвижении «в народ» своих о нем представлений. Елизавета Федоровна – не просто идеальный женский тип (эстетически, по-человечески приятный) и героиня России. В ней воплощена одна из центральных идей власти (идеальных образов) в отношении собственного народа. Вот как выразил ее известный государственный деятель последнего царствования И.Л.Горемыкин во всеподданнейшей записке 1899 г., заимствуя фразу из письма (1855 г.) знаменитого славянофила К.С.Аксакова Александру И: «...русский народ есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия»⁸. Со сменой исторических вех, форм воплощения власти, это идеальное отношение (властный запрос к народу) не меняется по существу. В своих действиях и современная власть исходит из презумпции неполитичности народа⁹. Ему органичны не гражданский пафос свободного общества, не тяга к самоорганизации

и участие в демократических правовых процедурах для отстаивания своих интересов, а созерцательность по отношению к внешней, не связанной с его бытовой (где он проявляет чудеса терпения выживания, житейской ловкости), жизни, тяга к поиску правды: (объяснения и оправдания существования), уверенное ожидание справедливости. Заметим, наш народ (как коллективное целое практически не дает поводов власти усомниться в своих представлениях о нем. В образе Елизаветы Федоровны и фокусируются эти ожидания – власти от народа; вера, молитва, смирение – лучшее лекарство от жизни.

В тоже время этот образ способен стать инструментом продвижения самой власти. Более того, выполнять функцию матрицы во властной системе символов. У русской власти всегда есть идеология (даже в деидеологизированной современности) – она идеологична по существу. Это идеология монополиста, направляющего и контролирующего все социальные процессы. Но обеспечить себе право на монополию верховная власть может, отвечая народным ожиданиям и идеалам. Власть должна быть народной, а это требует обращения к информационно-символическому ресурсу. Именно в коммуникативной среде власть моделирует свою народную природу, транслирует народу соответствующие ей образы. Здесь власть предстает грозной (сильной, способной наказать «врагов», защитить и охранить свой народ), справедливой (разумной силой), но и – милосердной. Это отражение (вторичной) женской природы русской власти, способной печалиться о бедах народных, утешать слабых, позаботиться о народе. Подобные образы-символы власти есть инструмент ее «народной легитимации».

Великая княгиня Елизавета Федоровна – народная героиня (из) власти, ею порожденная, ей принадлежащая. Она – из «выводимой» веками «породы властителей» (В.Шульгин); воспоминание о той традиционной русской власти, которая «рождена, не сотворена». И она же – иностранка во власти, соединяющая нас (во времени и пространстве) с Европой (идеализированной, любимой русскими – и безоговорочно принявшей Россию); наш шанс быть принятыми в единое европейское пространство (хотя бы и символическое). Признав Россию родиной (и светской, и духовной), Елизавета Федоровна стала более русской, чем сами русские (русской и православной «по убеждению»). Ее гибель – плата за эту «выстраданную русскость». Жизнь, смерть, посмертная судьба сделали из нее русскую святую – святую (из) власти. Св. Елизавета воплощает собою традиционные основания русской власти: она – и от Бога, и от Народа, и от самой Власти.

Поэтому великая княгиня Елизавета Федоровна (Св. преподобномученица Елизавета) способна достойно представлять русскую власть в современном символическом пространстве. Как образ идеальной власти, она служит обоснованием русской власти вообще.

¹⁰ См., например:
Шестопад Е.Б.,
Пищева Т. Н., Гикавый
Е.М., Зорин В.А. Образ
В. В. Путина в со-
знании российских
граждан // Полис.
2004. № 3. С. 8.

¹¹ Это не метафора, а
реальность. В. В.
Путин, покинув
президентский пост,
автоматически
перестанет быть
первым человеком,
лицом власти – в
представлениях
граждан (и далеких от
властных коридоров, и
окружающих его лиц).
Даже заняв высокую
должность (преьера,
например), он лишится
всего, покинув
сакральное
пространство,
наэлектризованное
магией «высшей
власти». (В скобках
замечу: пережить
судьбу П. А.
Столыпина,
превратившись в
народной памяти в
защитника ника-спа си-
стем России, может
премьер, героически
погибший за «веру,
царя и Отечество» (в
новый И. Сусанин), в
стране, пережившей
социальную революцию
) Оживет для власти
другой человек,
очередной персона-
фикатор, «народный
легитимизатор»
которого послужит
информационно-
образная среда. В
этом – отражение
сложного,
противоречивого
характера нашей
«верховой власти»: в
народных пр-
едставлениях она не
вписана во властную
верти-

Для современной народно-демократической «выборной монархии» она является символом преемственности с исторической властью, воплощением сконструированной эрзац-династической легитимности. Как гуманистический властный идеал, она скрепляет и одухотворяет традиционные русские образы власти. Социологические опросы свидетельствуют: их набор практически не меняется со временем¹¹. Первые позиции занимают Петр I, Иван Грозный; в скобках остаются Сталин и Ленин – эти «вечно живые» символы, которые только ждут своего часа, чтобы «восстать» в народной памяти. Есть еще Столыпин и Витте, но это – образы производные, исполняющие функцию реформаторов-спасителей, «замещающих» и представляющих саму власть (ее «уполномоченные» по «действенным, грамотным реформам»; им подобны образы Кутузова и Жукова – защитников-победителей).

По существу, четыре «царя», преобразовывающие, взвиздывающие Россию, и есть субстанция русской власти, ее народный идеал. Интересно, что память народа выполняет символическую процедуру их сакрализации, «освобождения» царей-тиранов от крови (им не просто прощают социальное насилие, а понимают его как искупительную жертву за «коренные преобразования» или защиту народа от его «врагов»). Кровь «переводится» на царей-Освободителей, своим забвением в истории искупающих грехи власти. Народная память демонстрирует: для России неубедительны и не существенны реформы Александра II; за реформатором Николаем II закрепилось определение «кровавый». Им никогда не стать народными героями от власти, ее идеальными образами. Даже искупительная жертва не перевела их в разряд мучеников власти.

А вот Св. Елизавета такой статус в народной памяти получила. Этим и определяется назначение ее образа, его полезность для власти. Для русской властной традиции характерна «операция» пострижения, предполагающая снятие (прощение через молитву грехов главному человеку власти (монарху), а посредством его – власти вообще. Власть «от Бога» у Бога же ищет прощения, перед ним несет ответ. Кроме того, это символическое освобождение от власти ее носителя, расставание с ее сакральным началом. Секулярное время современности не отменило совершенно эту процедуру. Выход «монарха» из властного пространства в частную жизнь (через отречение, свержение путем дворцового переворота) связан с актуализацией второй сакральной функции «пострижения» – обеспечение перехода в иное, секулярное пространство. Это пострижение не перед физической смертью, а перед смертью для власти¹¹. Это переход в область забвения, где монарх (не как человек, а как бывший властитель) доступен только Богу и перед ним несет ответ. Вероятно, в этом причина мгновенного отказа и власти, и народа от потерявшего власть монарха (будь он Николай II или Хрущев, Горбачев или Ельцин). В восприятии народа они превращались в частных людей, утративших

каль, а вынесена из нее; это область предельной властной концентрации (сама власть); человек, ее представляющий, не отделен от власти; персонификация власти не мешает процедуре ее «разделения» – в глазах народа (критика конкретного президента не ставит под сомнение легитимность высшей власти вообще) и самого «носителя» (он имеет право на частную жизнь); персонификатор обладает не авторитетом формального поста («места»), но приобщается к сакральному началу власти; уход из сакрального пространства превращает его в «обычного», совершенно частного человека.

¹² Это во всех смыслах постсоветская власть, воспринявшая опыт и советской, и исторической. В каких бы терминах мы ее не описывали, все будет неточно. Терминологически современная власть чаще всего определяется как производная от демократического принципа, что неверно. Она – еще не демократическая власть, хотя в результате социально-политических реформ 90-х гг. изменилась в демократическом направлении – и по форме, и по существу. Но современная власть уже и не «выборная мо-

магию (как говорят сейчас, харизму) власти. Публичная деятельность современных политиков (как Горбачев), представление ими своей жизни публике (в мемуарах, записках – как Хрущев) не отменяет эту закономерность. Так вот, Елизавета Федоровна призвана (символически) отмолить грехи «безбожной» русской власти, произвести операцию по ее «очищению» – и, в конечном счете, спасению. Только такую, праведную, власть принимает народ.

Как видно, святая великая княгиня нужна власти не только для эксплуатации «векового шарма монархии» (Жорес). Ее образ высвечивает, определяет, наделяет смыслом и помогает описать саму власть, а ей – понять себя (не интуитивно, инстинктом, а рационально, разумом). Этот образ выявляет природу, глубинные основания власти, определяющие характер ее легитимации. Она всегда была и остается – и от Бога, и от народа, и от самой себя. Таковы традиционная, (отчасти) советская и постсоветская власть, наследующая всем предыдущим, принявшая их в себя¹². Современная власть, демократическая, медиатизированная, технократичная, сохраняет свою природу, требуя разных, казалось бы, совершенно несовместимых, архаичных, излишних, способов легитимации.

Процедуры легитимации современной власти представляют собой сложный набор апелляций. Еще в середине 90-х гг. казалось, что наша власть вполне обеспечена демократической легитимностью, связанной с рациональным признанием и поддержанием гражданами демократических законов, правил, процедур, политических структур и институтов. Однако рационализм этой процедуры был изначально сомнителен. Голосование имело значение одобрения демократического принципа вообще (как некоего нового идеала, которое общество обрело взамен утраченного). Нормы и структуры, т. е. способы организации власти, были в данном случае не существенны. Голосуя, общество высказывало доверие новой демократической власти и олицетворявшим ее людям. Тем самым демократическая процедура приобретала характер народного избрания, сочетавшего элементы Земского собора и формализованных выборов советских лет. Определяющее значение для избирательной системы имел выбор верховной власти, легитимирующей власть (разных «ветвей» и уровней) в представлениях народа. Выборы иного порядка (в конкретные властные органы) носили, скорее, функциональный характер. Формализация процедуры и ее высокая управляемость привели к падению в обществе уровня доверия к избирательному процессу. Это требовало компенсации (возмещения), поиска дополнительных принципов, легитимирующих власть.

Актуализация традиционной легитимности, апелляция к династическому и сакральному принципам, предполагало (в известном смысле) синтез исторического опыта дореволюционной и советской эпох. Современная власть, надо отдать ей должное, нашла оптимальную, органичную нашей социальности модель легитимации.

нархья» (или «самодержавие, усиленное советом земли», «земское самодержавие», как сказали бы в начале XX в.). Само это определение архаично и не отражает адекватно ее сложной природы. Постсоветская власть – это синтез модифицированных самодержавного (подправленного коммунистами) и демократического (в формально-советском, однопартийном варианте) принципов, отягощенная информационно-технологическими, гуманистическими, социо-экономическими «программами» современности. А также «синдромом победленного» – в соревновании систем, глобальной конкурентной игре.

Это совершенно новый организм, не наследующий прошлому (по типу преемственности), а подчиняющийся и по мере необходимости использующий «старое» (система эксплуатации политического наследия).

Передача власти «по наследству», обеспечивающая ее преемственность (кратократическая легитимность – власти от Власти), подкреплена народным выбором – одобрением, введенным в демократический формат. Эта модель предполагает (символическую) апелляцию к династическому принципу и использование советского опыта. Тогда кандидатуры народных избранников определялись властью и одобрялись народом на выборах. Наследник верховной власти избирался в соответствии с номенклатурно-бюрократической процедурой – игрой, черты которой просматриваются в ельцинском поиске президента России. Все это осеняет сакральное начало, проявляющее себя двояко: в самом процессе избрания (народный выбор предполагает реализацию божественной воли) и в церковном покровительстве. Церковь, остающаяся проводницей идеи богоспасаемости русской земли, придает власти характер «Богом установленной». Этот синтез, образующий матрицу властной легитимности, вызывает недоумение современного человека и по существу мало эстетичен. Тем не менее, он эффективен в наших условиях, отвечая потребностям власти и не противореча народным представлениям и ценностям; обеспечивается вполне современными информационно-коммуникативными технологиями. В том числе, продвижением нужных (и власти, и народу) образов из прошлого, влияющих на современное миропонимание.

Реальность этих образов, место в прошлом тех «вещей», которые они обозначают, не имеет существенного значения для современности. Однако сам образ обретает смысл («разгадывается») только в соотношении с «реальной» (не реконструируемой, но понимаемой¹³) исторической фигурой. Это особенно справедливо в отношении Елизаветы Федоровны: ее загадка может быть понята только при обращении к ее современности, которая придала смысл и высокую инструментальность ее образу. Осмелюсь утверждать, что великая княгиня – одна из знаковых фигур последнего царствования. «Сквозь» ее историю можно приоткрыть (до сих пор почти незаметные) стороны той жизни и той власти.

Внешне ее жизнь представляется механическим соединением двух разных, отрицающих друг друга, историй: светской, женской (великой княгини) и духовной, наполненной верой (святой старицы). К такой оценке «провоцировала» современников и потомков сама Елизавета Федоровна – своим непостижимым превращением, слишком явным изменением жизни. То действительно, был разрыв – но не ее внутренне целостной, цельной, судьбы. То было пробуждение – к самостоятельной, не обремененной душевными привязанностями и светскими обязательствами, жизни, в которой определилась ее уникальная личность. Пробуждения могло не быть, если бы не гибель того, кто составлял средоточие и смысл ее прежнего существования – мужа, великого князя Сергея Александровича.

¹³ В герменевтическом ракурсе, описанном П. Рикером: «глубинное требование герменевтики: всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это

расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого текст он хочет сделать его своим, собственным; расширение самонимания он намеревается достичь через понимание другого. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого» (Рикёр П. конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 25).

¹⁴ *Совершенно не верны представления о коллективном великокняжеском давлении на Николая II; о том, что политический курс в 1890-е гг., помимо императора, определяли его дяди. При этом они транслируются даже в тех изданиях, что далеки от проблем русской истории и политики. Так, Р. Бакс, автор одной из биографий В. Нежинского, причину «скрытности и неискренности» последнего императора видел в «его преждевременном вступлении на престол» и считал «защитной реакцией на крупных, властных, шумных дядьев» (М., 2001. С. 62).*

¹⁵ *См. письмо Николая II Сергею Александровичу от 25 ноября 1896 г. (ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 10).*

До этой смерти жизнь Елизаветы Федоровны «звучала» рефреном двух историй – его, да еще сестры, ставшей, не без ее помощи, императрицей Александрой Федоровной. С момента своего появления при русском дворе великая княгиня Элла играла несамостоятельную (второго плана) роль – жены брата императора (Александра III). Роль, без сомнения, политическую, как, впрочем, и все представители императорской фамилии – образования, имевшего в старой России назначение публичное, представительское. Независимо от того, состояли ли они в официальных должностях, они служили, подчиняясь определенным правилам; за нарушение «великокняжеской дисциплины» несли наказание (как удаленный из России Павел Александрович, чьи дети – Дмитрий и Мария – воспитывались в семье Сергея и Эллы); в минуты опасности (русско-японская, первая мировая войны) их призывали на «царскую службу». Елизавета Федоровна идеально соответствовала публичной роли, предопределенной ее положением. К светскому труду, который не давался Александре Федоровне, у нее был талант. Все мемуаристы отмечают ее естественность, такт, грацию, тонкий вкус, внимание к людям – и необыкновенную красоту. Это то, что выделяло ее среди великосветской публики. Да еще ее набожность, ее «искреннее, проникновенное, безраздельное» (М.Палеолог) обращение в православие.

Политическая роль Елизаветы Федоровны вполне определилась в связи с двумя событиями, повлиявшими на ее жизнь и русскую историю. В 1891 г. Александр III назначил Сергея Александровича генерал-губернатором Москвы. Этот пост он занимал до начала января 1905 г., став полновластным (насколько это было возможно в тех условиях) хозяином второй столицы. Елизавета Федоровна справлялась с ролью ее хозяйки, во всех ситуациях, какими бы спорными и трагическими они ни были (как Ходынка), принимая сторону Сергея, поддерживая его. Она защищала его перед обществом уже тем, что постоянно находилась рядом с ним; делила всю ту неприязнь, критику, которую он вызывал. А с 1894 г. (когда, наконец, состоялась свадьба Алике, и у них с Сергеем появились новые политические перспективы) еще и представляла его интересы перед императорской четой.

Сергей Александрович имел большое влияние на племянника, относившегося к нему с любовью и доверием. Вообще, отношения молодого императора с семейством, братьями его отца, – отдельная история, требующая специального исследования. Она явно преувеличена и не имеет ничего общего с тем образом, который создан в историографии¹⁴. Определенность воли и взглядов всегда влекла Николая II к тем, с кем он мог их разделить, еще более утвердиться в своем мнении. Считая необходимым усилить «консервативное начало» власти, отвечать на разного рода беспорядки «решительными и дружными мерами и одною и тою же системою» без колебаний¹⁵, император

¹⁶ См.: Ольденбург С. С. *Царствование императора Николая II*. М., 1992. С. 178.

В самом деле, кто мог направлять человека, считавшего, что «сердце Цареве в рукеех Божихх»?

¹⁷ Б. Н.

*Чичерин, представляя либеральное общество начала николаевского царствования, писал: «Величайшие преобразования были уже совершены. Нужно было, прежде всего, восстановить их в полной силе, сделать их истиной... Это не было бы неуважением к памяти отца, а просто сознанием того, что разные времена и царствования имеют разные задачи... Если бы молодой царь, даже не делая шага вперед, пошел по пути, указанному дедом, то благоразумные русские люди были бы довольны». (Цит. по: Ольденбург С. С. *Указ. соч.* С. 147.) Таковы были самые умеренные ожидания от монарха, видевшего в детстве на примере собственного деда, чем может обернуться «благоразумие» русских людей.*

¹⁸ См. переписку Николая II и Сергея Александровича в их личных фондах (ф. 601 и 648) в ГА РФ. Император нередко принимал решения, «вперед зная, что, к сожалению, встретит «полное неодобрение» со

обращался к советам и поддержке Сергея Александровича, имевшего твердые консервативные воззрения. Но, во-первых, эти советы вовсе не были обязательны для исполнения, а поступали «на усмотрение» монарха, который часто действовал вразрез с ними. Николай Александрович не был проводником, послушным орудием чей-то (внешней) воли. Как справедливо заметил С.С.Ольденбург, «...напрасно искали каких-либо тайных вдохновителей решений Государя. Никто не скрывался “за кулисами”. Можно сказать, что император Николай II сам был главным “закулисным влиянием” своего царствования!»¹⁶. Во-вторых, с самого начала правления Николай Александрович поощрял преобразования (следуя линии своего отца), если только они не имели политических последствий, не вели к ограничению царской власти¹⁷.

Однако общество, стремившееся именно к обновлению политического строя, не желало признавать за молодым императором способности к принятию самостоятельных решений (просто потому, что они его не удовлетворяли). Оно находило и наделяло «чрезвычайными полномочиями» людей, якобы склонявших императора к реакционному курсу. В 90-е – начале 1900-х гг. едва ли не главным реакционером в обществе считали московского генерал-губернатора и относились к нему крайне враждебно. «Глава реакционной партии», действительно, стремился повлиять на выбор политического направления и лиц, отвечавших за конкретную политику. Он предлагал «дорогому Ники» кандидатуры на министерские и губернаторские посты, участвовал в принятии политических решений (учитывая, в том числе, его мнение, Николай II вычеркнул из указа 12 декабря 1904 г. пункт о представительстве). При этом отношения родственников вовсе не были безоблачными и единодушными. Император часто не принимал представлений «дорогого дяди Сергея», назначая на вакантные посты избранных им людей; случалось, не одобрял его действий в Москве (Сергей Александрович и до 1905 г. прибегал к угрозе отставки); затем и вовсе санкционировал «политическую весну», неизбежным следствием которой великий князь считал события 9 января 1905 г.¹⁸

В политической игре мужа участвовала Елизавета Федоровна. На правах «любящей сестры» она выступала посредником между Сергеем и Ники. Ее письма Николаю (времени замужества и генерал-губернаторства) полны советами, которые, по существу, сводимы к одной идее – последовательность в проведении консервативного курса, отказ от либеральных уступок¹⁹. Обращаясь к Николаю, она использовала ту же тактику, что первоначально и Александра Федоровна: избегала прямого давления, просила и предлагала, но не настаивала; свое вмешательство объясняла единственно стремлением помочь ему, облегчить тяжесть бремени «верховой власти». Очевидно, что всякий ее «выход» на Ники инспирировался Сергеем – преданная жена своими руками делала его дело.

стороны дяди (См.: ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 611). А вот характерная фраза из письма великого князя Сергея (от 25 декабря 1904 г.), позволяющая понять, с каким уважением он относился к положению племянника: «Какие времена мы переживаем: кажется, чаща переполнилась с падением П[орт]–Артуа. Только и молюсь, чтобы Господь сжалился над нами! Умоляю тебя, не поддавайся либеральным влияниям с вызыванием без разбора людей со стороны для совещаний. Прости меня, но нужно покарать и Голицына, и Трубецкого в их беспримерных выходках: пока все проходит даром. Неправда ли, ты не сердись на меня за мою откровенность?» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 151об.–152).

¹⁹ См., например: «Слава Богу за все...»: Письма великой княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II // Источник. 1994. № 4.

²⁰ Это столь же верно для личных отношений, сколь для социально-политических. Вот одна из очень точных характеристик отношения власти к политической деятельности земской общественности в сентябре-ноябре

А за Николаем в тот момент уже стояла Александра Федоровна, тоже считавшая любое дело мужа своим, не разделявшая себя с ним. Тогда завязывался сложный узел новых (в России «по-русски») отношений Эллы и Алике. Поначалу они не могли не быть покровительственными – со стороны Елизаветы Федоровны. В этом заложено основание будущего конфликта сестер: нельзя безнаказанно покровительствовать власти: вести (за собой – во всех отношениях, областях) может только сама (абсолютная) власть²⁰. Она требует от всех окружающих (без различия степени родства) признания своего верховного характера; отдаляет представляющих ее людей от их окружения – и, более всего, от тех, кто был им особенно близок. С этим связано охлаждение между сестрами, отмечаемое наблюдателями с первых шагов молодой императрицы при русском дворе.

Показательно, что отношения сестер сразу стали предметом слухов и сплетен. В свете их обвиняли во взаимной зависти: Алике – ко вкусу, такту, светскому успеху Эллы, а ее – к положению и семейному счастью царицы. Вероятно, между ними были и непонимание, и раздражение – прежде всего, потому что они служили друг для друга образцом сравнения, делавшим очевидным неудачи и «неправильности» их собственных жизней. Но это не столь существенно для понимания их отношений. Между ними случались и моменты большой близости (как во время пасхального пребывания царской четы в Москве в апреле 1900 г.²¹); связь их семей была неразрывна; они, безусловно, поддерживали друг друга. Важно другое.

Стремление светских сплетников разделить Эллу и Алике (даже по ничтожным поводам – поцелует ли первая руки у второй во время коронации или нет) означало отделение верховной власти от того, что ею не было. В системе русской, самодержавной, власти роль великой княгини функциональна; императрицы же – субстанциальна. Не просто Алике, жена Ники, «ушла» от сестры Эллы в семейный круг. Александра Федоровна отдалилась от общества, замкнувшись в пределах царской семьи. Причем, случай Алике исключителен в силу своей крайности. То была предельная изоляция власти на абсолютной, недосягаемой высоте. Допускались туда только те, кто безусловно разделял самодержавный принцип (в его крайнем, императорском, понимании), и кого принимали в качестве друзей. Недаром у Александры Федоровны не было двора – только «лично преданное» окружение, формировавшееся на старомосковский лад (подруги-«приживалки», предсказатели, юридические, свои «несчастенькие», потом и вовсе – Пророк).

Но не воля императрицы предопределила окончательный внутренний разрыв Эллы и Алике. После гибели Сергея Александровича Елизавета Федоровна нашла в себе смелость, волю, мужество пойти по своему, единственно возможному для нее, пути – через веру к Богу. На нем она и определилась как самостоятельная, независимая личность, весь «пафос» служения которой не связан с земной властью.

1904 г.: «Проявленная земцами инициатива в делах государственных преобразований, хотя они уступали их проведение самодержавию и подчеркивали это... как и свою заботу о сохранении строя, оказывалась тем не менее несовместимой с самодержавным принципом. Он требовал, чтобы царские уступки носили характер пожалованных, а не выпрошенных» (Кризис самодержавия... С. 164).

²¹ По возвращении в Петербург Николай писал Сергею Александровичу: «Мы оба живем под полным обаянием Москвы и всего пережитого с вами...

Я должен еще раз высказать Тебе мое глубокое искреннее спасибо за Твои плодотворные труды по вверенному Тебе папу – городу – и краю, результаты чего так блестяще сказались – при нашем пребывании теперь в Москве» (ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 49–50). Это посещение запомнилось и москвичам, на которых царская чета (впервые – и Александра Федоровна) произвела самое благоприятное впечатление.

Вот только несколько отзывов о пасхальном посещении: «теперь Москва вся занята царской семьей, ...все разговоры о них»; «...на сей раз государыня завое-

В этой своей другой жизни Елизавета Федоровна, казалось бы, раскрылась полностью. И оказалась для общества, близких еще большей загадкой, чем раньше, на которую они ответили непониманием и неприятием.

Все действия Елизаветы Федоровны были прямым нарушением правил великокняжеского, светского «общесития» и законов существования русской власти. В «моральном кодексе» европейски образованного, изнеженного и утонченного, развращенного и соблазненного (всеми возможными соблазнами) общества начала XX в. отсутствовали нормы, демонстрировавшие высоту человеческого духа, преданность и жертвенность – человеку и Богу (а не идее и человечеству). Соответствовавшие им поступки, вдруг высвечивающие всю «неправедность» общественной жизни, отвергались обществом, читались как анти-поведение, опасное нарушение социальной нормы. Решение Елизаветы Федоровны «всцело отдаться подвигам аскетизма и благочестия, покаяния и милосердия» (М.Палеолог), основанное на недоступной пониманию окружающих силе любви и истовой вере, общество пыталось перевести в «нормальный» формат, дать ему приемлемое объяснение. Сначала ее старались «удержать, запугать трудностями». Сам император со своей обычной сдержанностью писал ей: «Все-таки нахожу, что ты еще больше могла бы добра делать в прежнем положении»²². Затем обвиняли в том, что она удовлетворяет собственное честолюбие, желание первенствовать, жажду восхищения и поклонения; стремится поучать общество, давая ему уроки нравственности и веры. Даже М.Палеолог, относившийся к великой княгине с большим уважением и симпатией, считавший ее «чистым и благородным» человеком, называл ее «склонность к религиозной экзальтации, удивительное преобладание мистических черт» «болезненными наклонностями»²¹.

Елизавета Федоровна еще больше запутала общество тем, как она практически осуществила свой переход. Возжелав уйти из мира (реакция на мир совершенно не современная, на какой-то старорусский, простонародный манер), она, казалось бы, должна была сделать это традиционным образом – стать простой молитвенницей, монашенкой. Немецкая принцесса избрала иной, противоречащий русской традиции, путь. Она попыталась создать обитель, новаторскую по замыслу, предполагавшую жизнь в вере, деятельное служение Богу – не через затворничество в монастырском убежище, а помощь ближнему, «деятельную любовь» и «труд милосердия». Более того, старалась возродить для сестер («которые суть монахини и не монахини», «живут и в миру, и вне мира» – «для людей, находящихся вне обители»), чин диаконисс, что вело к созданию в русской церкви женского клира. В период «церковного нестроения» начала XX в. это был шаг к обновлению и возрождению православной церкви: как организационного, так и внутреннего, сущностного – внесением «деятельного идеала» в самый церковный дух (так оценивал новации

*вала все сердца.
Чем? Ну – всем. Всем
восторгалась»;
«Улицы были
заполнены народом,
проявлявшим
необычайный
энтузиазм, казавшийся
искренним. Но как
знать, что привлекает
толпу: спектакль ли,
или идея самодержавия
и обоготворение
того, кто является его
носителем? Во всяком
случае, пребывание в
Москве было удачным,
и их величества
должны быть
довольны. Они не
видели ничего, кроме
выраженной любви и
верности» (Николай II
и самодержавие в 1903
г. // Былое. 1918. Февр.
№ 2(30). С. 199-201).*

²² *«Слава Богу за все...»
// Источник.
1994. № 4.*

²³ *См.: Палеолог М.
Царская Россия во
время мировой войны.
М., 1991.
С. 121, 145.*

²⁴ *Пайнс Р. Россия при
старом режиме. М.,
1993. С. 293.*

Елизаветы Федоровны В.Розанов). И, наконец, великая княгиня становилась матерью-настоятельница этой странной (с точки зрения русских) обители – не одной из сестер, а первой среди них; средоточием (духовным и властным центром) созданного ею «под себя» мира. Великокняжеский титул приобретал для нее значение функциональное, обеспечивая ее новое положение.

Замысел Елизаветы Федоровны и способ его реализации характеризуют ее совершенно неожиданным, удивительным образом. Избрав настолько предельно русский способ существования, что он был непонятен самым русским, она обустроивала его как совершенно современный, западный человек. Практичный, разумный, целеустремленный, внутренне дисциплинированный, эффективный. В этом, замечу, она – совершенная противоположность сестре. Наверное, поэтому именно Елизавета Федоровна, а не последняя императрица, стала лучшей русской начала XX в. Жизнь с Сергеем Александровичем в свете способствовала обнаружению и развитию ее натуры. Она была человеком самоограничений и компромиссов (во имя цели), склонной к пониманию Другого, живущим интенсивной внутренней, духовной жизнью; отличалась «спокойной, глубокой» верой, принятием земной безнадежности, надеждой на упокоение в иной жизни. Александре не знакомо было состояние покоя и смирения; ее страстность постоянно искала выхода; окружающих она делила на друзей и врагов, ее вело убеждение в собственной избранности и возможности спасения в земной жизни. Эти качества и определили их судьбы.

Елизавета Федоровна транслировала в русскую среду духовный опыт Запада, протестантизма, который учит, что участие в мирских делах является неотъемлемым атрибутом религиозного служения. Тем самым, открывала для русской церкви возможность преодоления ее главных внутренних «зол», болезней. «Русская церковь не выработала правил практического поведения и не умела поэтому принаравливаться к обстоятельствам и хранить, пусть и в ущемленной, несовершенной форме, свои основополагающие духовные ценности, – отмечает современный исследователь. – Вследствие этого она последней, чем любая другая церковь, отдала себя в распоряжение государства и помогала ему эксплуатировать и подавлять... В отличие от других церквей, она не смогла отгородить для себя автономной сферы деятельности. У нее не было ничего своего, и она до такой степени отождествляла себя с монархией, что, когда последняя рухнула, церковь пала вместе с нею»²⁴. Елизавета Федоровна была одной из тех, кто указывал РПЦ выход из ее вечного тупика. При этом вела себя как человек русской власти, ее производное: преобразователь-революционер, инициировавший «революцию сверху» в выделенной для себя области деятельности.

И по отношению к той власти, из которой она вышла, Елизавета Федоровна действовала тоже совершенно по-революционному.

Она освободилась от нее – решительно и бесповоротно, удалилась в свою автономную, частную, жизнь. Отвоевала право быть не функцией власти, а частным, независимым от нее человеком. Значение этой революции трудно понять из дня сегодняшнего. В самом деле, зачем освобождаться от того, что возвышает над другими, пожизненно обеспечивает? Это отношение выражено в народной пословице: на то и власть, чтоб пожить властью. Отвечу на это словами

В.Шульгина: «Ах, друзья, “управляемые”, ...если бы вы знали, что это за подлое ремесло, “ремесло правителей”... Самые несчастные люди в свете. Это так нестерпимо утомительно – нужно быть вечным сторожем своего времени и своих сил, иначе вас разорвут или задавят алчущие и жаждущие “поговорить”».

Гнет высшей власти хорошо был знаком представителям самой власти. Стремление освободиться от него было столь же сильным двигателем великокняжеской фронды начала XX в., сколь желание самим стать властью (особенно очевидное у Владимировичей, ведомых великой княгиней Марией Павловной, и Михайловичей) Узда «служебничества». очень мягкая по нашим теперешним меркам, ощущалась всеми членами императорской семьи: в публичной сфере они представляли власть, в частной – зависели от нее (в выборе спутников жизни, ее обеспечении, организации). Власть и ее представители в начале XX в. не были обременены комплексом доказательства Западу, что Россия тоже есть Европа. По происхождению, воспитанию, культурному типу они и были европейцами, но помещенными в русскую властную среду. Поэтому отношения в императорской фамилии строились по принципам организации большой традиционной семьи: всех «держала» власть «большака», обеспечивающая единство и соблюдение правил общинно-великокняжеской жизни, правовых норм. Ослабление «узды» было связано не с личными качествами первого человека власти (напрасно упрекают в мягкости и слабости Николая II), но обуславливалось влиянием современности. Эпоха публичной политики, «всеобщего освобождения», стала сигналом к борьбе за права великих князей. Тогда современность нанесла окончательный удар традиционной организации императорского дома. Замечу, что борьба за право на личную жизнь, частную судьбу стала одним из ключевых моментов истории уцелевших европейских монархий в XX в.; в результате весь объем несвободы, бремя власти, остались на долю ее персонификаторов.

Вне этой «освобожденческой тенденции» невозможно понять, почему представители императорской семьи включились в политическую жизнь как критики, антагонисты той самой власти, к которой принадлежали. Как иначе объяснить заговор против действующей власти (под видом ее спасения) Дмитрия Павловича и протест всей семьи против его наказания, причастность великих князей к готовившемуся дворцовому перевороту, красный бант Кирилла Владимировича и приветствие Февральской революции Николаем Михайловичем?

Кстати, им всем ответила Елизавета Федоровна (в адрес последнего историка от власти): «Даже если великий князь и вздумал забыть о том, кто он, ему напомнят». Сказано это было вскоре после Октябрьского переворота.

Ее тоже связали с великокняжеской фрондой. Так, в русле общей борьбы с распутииадой, проявления внутрисемейной политической оппозиции, трактуют последнюю встречу Елизаветы Федоровны с императрицей в декабре 1916 г. Некоторые авторы даже усматривают связь великой-княгини-настоятельницы с убийством Г.Распутина²⁵. На мой взгляд, роль Елизаветы Федоровны в политической жизни, ее место в системе власти начала XX в. можно понять, только если взглянуть на нее под иным углом. Частная жизнь, новое дело великой княгини оказались связанными с той сферой, что имела принципиальное значение для русской власти.

²⁵ См.: Маерова В. Елизавета Федоровна: Биография. М., 2004. С. 311–315.

Историческая, царская, власть принадлежала к магическому пространству веры, считая себя его порождением; вместе с церковью «отвечала» за религиозную организацию и спасение душ паствы в «общенациональном масштабе». Этим определялось существо власти, ее миссия. Сама тайна власти обеспечивалась божественным происхождением. Это следствие традиционной неразделенности сфер политического и религиозно-нравственного, преодоленной в ходе эволюции западного общества, но неизбывной в России. У нас власть участвовала в решении предельных вопросов существования человека, а сами эти духовные вопросы приобретали значение властных. В этом проявлялось единство власти, ее архаичная природа – и (в тоже время) был залог ее силы, универсальности. Этот тип власти органичен для русского общества, устроенного подобно власти – тоже не разделяющего социально-политическое и духовное. Это становится очевидным при анализе долговременных тенденций, «большого» исторического материала. Не только историческая русская власть придавала огромное (казалось бы, несовместимое с современностью) значение сакральному началу. Сопряженность политического с пространством веры в ментальной народной карте использовали большевики, подкрепив политическую власть символическими опорами веры (в идею, вождей). В этом смысле не случайны эксперименты современной русской власти с церковью. Она, безусловно, осознает свою сакральную природу и то, что в глазах народа это оправдывает ее существование. Медийная современность дает ей возможность «показать» свое сакральное начало, представить себя в информационно-символическом пространстве как «власть от Бога».

В «области веры» власть вместе с церковью традиционно ведет за собой народ. Но и сама нуждается в руководстве, следовании духовному авторитету. Подчинив себе церковь, власть лишила ее возможности быть таким авторитетом. И заматалась в его поиске (с ним связан весь XIX в.). Ситуацию в начале XX в. усложняло то,

что утверждение в ходе реформ Александра II – Николая II прав частной собственности и личной жизни, политических свобод, плюральной публичной политики и сужение в связи с этим властного пространства требовало возмещения. Власть должна была компенсировать все это в области традиционного, сакрального. В этом одна из причин какого-то архаического ее «перерождения» в начале XX в. ответ на вызов современности. И ее взаимного непонимания с современным ей обществом. Парадоксально, но, возможно, таков был путь эволюции власти из монархии самодержавной в ограниченную.

Направление поиска властью, не желавшей быть «ведомой» в других областях», «духовных ведущих» («профессионалов веры»), было предопределено – от официальной церкви. Тип такого ведущего определился еще в допетровской русской культуре – старец. Это понятие обозначает сплав многих качеств, функций, назначений, производных от веры, духа, Бога: подвижник, аскет, отшельник: его главное дело – духовный подвиг, приближение к Богу-истине: наставник, вероучитель, чудотворец и пророк. Старчество как явление неизбежно связано с обыденной жизнью. Старец выступал как посредник, проводник между двумя областями – духовной и светской; ему назначалось руководство духом человека, за который он сам не способен отвечать. В силу этого он был выделен из церковной организации; его положение в ней не имело особого значения для тех, кто желал к нему приобщиться. Он давал направление, поддержку в вере, соотносил ее с жизнью. Само посещение старца, общение с ним понималось как таинство (приобщение к божественному), не поддающееся рациональному, критическому осмыслению. К покровительству старцев прибегала власть, нуждавшаяся в благословении, освящении своих дел. В русской традиции старчество приобретало значение политическое.

Секуляризация культуры (политической, в том числе) не имела следствием отмирания старчества как духовного явления. С утратой религии значения общественной доминанты, падением авторитета церкви, растратой ею духовной энергии, оно переместилось в светскую среду. XIX век связан с рождением светского старчества, органичного секуляризованной по форме, но традиционной, устремленной к вере, духовному идеалу, русской культуре. Роль светского старца типологически подобна назначению духовного: наставлять, назидать, поучать общество, давать ориентиры в вере, «миропонимании» и «мироулучшении». А потому неизбежно сближала его с властью, отвечавшей за мирское и требовавшей духовного руководства.

Светский старец явился в русской литературе XIX в. Вот как характеризовал ее Б.Успенский: «...русская литература в новом секуляризованном обществе выполняет ту же роль, какую ранее выполняла литература духовная, религиозная: она учит, морализует

²⁶ Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 402-403.

²⁷ См.: Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 14.

²⁸ Там же. С. 9-10, 14.

²⁹ В духовном «вождительстве» не нуждалась монархи, пытавшиеся выделить квинтэссенцию власти, добиться ее предельной концентрации и подчинить себе церковь (Иван IV, Петр I) или использовать ее как (готовый) инструмент в решении государственных задач (Николай I, Александр III).

³⁰ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. Февр. № 2(30). С. 202.

³¹ См.: Обретение мощей преп. Серафима Саровского: Из итогов перлюстрации // Былое. 1918. Кн. 6. Июнь. № 12. С. 148-153.

– это своего рода проповедь... Она выполняет одну и ту же функцию – учительную. Классическая русская литература так же, как и литература древнерусская, учит, как жить, она постоянно говорит о борьбе Добра и Зла, о необходимости выбора между Правдой и Неправдой...»²⁶ «Первым русским литератором, присвоившим себе право поучать власть и общество», считают Н.М.Карамзина²⁷. Он совместил в себе роли «советника царей», «светского духовника членов императорской фамилии» и, наконец, светского старца²⁸. Эту миссию продолжили Гоголь, Достоевский, Толстой. В XX в. – Солженицын. Лихачев (отчасти, Сахаров). Трагедия была в том, что все они – абсолютно внеположны (действующей) власти. И дело не в том, что они руководствовались принципом противостояния, политической оппозиционности, усвоенным всей русской интеллигенцией. Они сами обретали значение власти (над душами, умами, сердцами), превосходившей преходящую земную власть.

Свою жажду духовного руководства, потребность в богоданной помощи власть пыталась удовлетворить на разных путях. Известны религиозные поиски, мистицизм Александра I, окружившего себя людьми, поверившими в свой дар проповедовать истину, обращать к вере, предсказывать (как Т.-Г.Крюднер). Николай I и Александр III пытались удержать себя и страну в рамках официального православия²⁹. При этом не прекращали поиск духовных авторитетов от церкви, истинных старцев. Прежде всего, в прошлом. Когда по желанию Николая II были открыты мощи Св. Серафима Саровского, в общество просочились слухи: «В его семействе уже давно существует культ Серафима. Когда была больна дочь Александра II, то какая-то монашка принесла мантию Серафима Саровского, и эта мантия исцелила больную. С тех пор началось особое почитание Серафима. Николай же послал узнать, нет ли мощей»³⁰. Дело с обретением мощей не обошлось без осложнений: обнаруженные останки оказались тронуты тленом, а затем и вовсе возникло подозрение, что они не принадлежат отцу Серафиму³¹. Тем не менее, саровские торжества в 1903 г. состоялись, и императорская семья получила нового (своего) святого.

С поиском святых в настоящем все было гораздо сложнее. Старческую роль в царствования Александра III и Николая II играли о. Иоанн Кронштадский и (отчасти) К.П.Победоносцев. Их уход оставил место наставника, чудотворца, пророка вакантным. Оно должно было быть кем-то замещено. Особое значение для власти таких людей, обретение ими политического статуса в силу влияния (через одобрение или неодобрение, совет-наставление, поучение в выборе пути) на государственные дела были predeterminedены. Разными могли быть лица, а значит, и модель организации властного пространства. Однако приход (к власти и в ее окружение) определенных людей вовсе не был случайностью. Они предвещали, каким будет для России XX век.

Не случайно в начале нового века у власти оказались люди, при всей своей современности и европейскости, возродившие традиционные, архаичные, ее начала. В представлениях общества, совершенно несущественные, излишние для власти, входившей (вместе со страной) в современность. Все мемуаристы свидетельствуют о глубокой, естественной набожности Николая II и истовости в вере Александры Федоровны. Вот как характеризовал императрицу М.Палеолог: «Основа ее натуры стала вполне русской... Ее моральное обрусение еще гораздо глубже... Она понемногу усвоила самые древние, самые характерные специфические элементы русизма, которые имеют своим высшим выражением мистическую религиозность»³². Палеолог, человек современный, европеец, считал это (как и у Елизаветы Федоровны) «болезненными наклонностями», возрождением «византийских декораций архаической России». Для царской четы, действительно, важно было ощущать «веяние русской старины, ее святыни, ее правды и осознавать «свое чутье русского, как залог близости к народу»³⁴.

³² Палеолог М. Указ. соч. С. 145.

³³ Там же. С. 146-146.

³⁴ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. Февр. № 2(30). С. 200.

³⁵ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. Февр. № 2(30). С. 202. В последней фразе – намек на чрезмерную обремененность царской четы ожиданием наследника. Однако проблема правильной передачи, законного наследования всегда была центральной для русской власти. Поэтому обреченность Алексея – один из символов «последности» николаевской России.

Перетиска Николая и Александры Романовых. Т. V. М.-Пг., 1927.

³⁷ Палеолог М. Указ. соч. С. 121.

Такое ощущение им давало православие – но не в его формализованном, сближенном с современностью, варианте. Они (особенно Александра) хотели большего, пытались преодолеть ограниченность официальной религии. В их формуле веры сплелись страсть, преклонение перед магическим – и ожидание чуда в земной, реальной, жизни. Это было очевидно современникам, наблюдавшим царскую чету – например, во время саровских торжеств: «Царь неистово предавался всем религиозным церемониям, погружаясь в святой источник, опускаясь в подземелье, нося останки Серафима, присутствуя при всех службах. А царица отдавалась всему этому еще более рьяно (бывшая лютеранка!). Если после всего этого у них не родится сын, то это будет актом черной злобы со стороны самого Серафима»³⁵. Александра Федоровна воспринимала чудо как реальность повседневности, навязывая это ощущение Николаю. Чудесное, религиозно-мистическое становилось формулой их жизни. Вот характерная фраза из письма императрицы мужу (4 декабря 1916 г.): «Вспомни слова месье Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком: так как ты очень снисходителен, доверчив, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли к тебе приблизиться. И я бы предостерегла тебя...»³⁶ За этими словами – не только вера в реальность чудесного, но и уверенность в собственной избранности; в том, что Божья милость дарована им, помазанникам Божиим.

На этом, собственно, основан не только приход в их жизнь старца «от народа», но и личный конфликт сестер, Александры Федоровны и Елизаветы Федоровны – и, более того, конфликт великой княгини с властью. Проницательный М.Палеолог отмечал в своих записях 1915 г.: «...поводом их несогласия служит взаимное желание превзойти одна другую в подвигах аскетизма и благочестия»³⁷. Русская

³⁸Цит. по: Мэсси Р.
Николай и Александра.
М., 1990. С. 139.

царица не могла ограничиться личным благочестием и семейными делами. Ей необходимо было влиять на другие жизни, посвятить себя духовному руководству ближними. Она говорит об этом в одном из своих писем: «Насколько я знаю, я представляю собой тип проповедника. Я хочу помочь другим в жизни, помочь им бороться и нести свой крест»³⁸. Александра все больше сближалась с теми, для кого она могла быть духовным наставником (среди ее «кубогих» – С.Орбелиани, А.Вырубова, Л.Ден). В воспоминаниях этих близких ей женщин чувствуется особое отношение к ней – не как к покровительнице, но мученице, едва ли не святой. Возможно, это – отражение того, как ощущала себя сама Александра.

³⁹ «Слава Богу за
все...» // Источник.
1994. № 4.

Понятно, почему такое раздражение императрицы вызывала внезапно обнаружившаяся «святость» сестры, которую она, к тому же, могла проявлять публично. Елизавета Федоровна в своих письмах к Николаю II постоянно оправдывалась: «Я знаю, Алике воображает, что я позволяю окружающим называть меня святой... Я – подумать только! Да что я такое? Ничем не лучше, а то и хуже других... Если кто-то говорит глупости и все преувеличивает, чем я виновата? ...Я ничего не могу поделать с тем, что меня любят, но ведь и я люблю людей, и они это чувствуют... Ни одной минуты я не думаю, что совершаю подвиг...»³⁹ Сам Николай предостерегал ее от «духа прелести» (то есть от прельщения гордыней). Но самое главное, что он не мог принять в сестре Элле: она «сама собою» «правила»; действовала по собственной воле, а «не под влиянием священника». Это обвинение в самодостаточности в вере, т. е. отклонении от традиционного православия. Напрасно Елизавета объясняла ему: она понимает – «нужно быть под руководством», но просто «не встречала “опытного старца”». Все эти оправдания были лишними, ничего не меняя по существу. В обществе из нее уже тогда начали творить святую, наделяя даром пророческого предвидения, целебной силой. Все видели, что в поисках «духовного христианства», основанного на внутренней вере, она противоречит традиции. Для царской четы дело было не только в личном соперничестве двух сестер и не в том, что Романовы не нуждались в обретении «семейной святой» на европейский образец.

Елизавета Федоровна встала на тот путь, который вел ее от светской дамы – к святой старице (не случайно именно такова динамика ее образа). При этом занимала чужое место: первенствовать в делах веры, благочестия, духовного наставничества должна была русская царица, Хозяйка Земли Русской, а не великая княгиня. Елизавета подменяла собой власть в том сакральном пространстве, которое так много для нее значило. Она также претендовала на то, чтобы быть святой власти. И всего этого власть ей простить не могла. Но и остановить ее была бессильна. Все это окончательно разрывало личную связь Елизаветы Федоровны и Александры Федоровны. Несмотря на то, что война продемонстрировала их близость – в

восприятию народа: и ту, и другую простые русские люди считали немецкими шпионками.

Войдя в сферу религиозно-мистического, Елизавета Федоровна неизбежно сталкивалась с другой центральной фигурой того времени – Г.Распутиным, святым старцем власти. Они – два символа-антипода последнего царствования, воплощавшие светлое и темное духовные начала: святая старица и святой черт. Между этими силами могла выбирать власть. Выбор демонстрировал ее качество и «назначал» будущее: то была власть перед крахом; канун торжества «темной силы», взбунтовавшейся против Государя, Бога, порядка, всего старого жизненного уклада.

Прошло уже почти сто лет с момента появления старца при власти (1 ноября 1905 г., как зафиксировано в дневнике Николая II), а тайна его до сих пор не раскрыта. И именно потому, что она – не его. личная; это тайна власти. Распутин был принят царской семьей как Божий человек («искру Божью» в нем признавала сама церковь – видные церковные иерархи), странник, творящий подлинные чудеса и исцеляющий людей. Он действительно явил Николаю и Александре чудо, «доделывая» то, на что не хватило силы Пр. Серафима Саровского – исцеляя их ребенка. Но, прежде всего, он исполнял при них свое старческое предназначение – служить посредником между ними, Хозяевами Земли Русской, и Богом. Служил бескорыстно, а потому стал их Другом, искренним радетелем и молитвенником о них и династии.

Николай II, судя по всему, принимая Распутина и веря ему, относился к нему достаточно спокойно, без экзальтации. Для него он был «добрым, религиозным, прямодушным русским человеком» – воплощением преданного ему народа, из уст которого слышался «голос русской земли». Единственный успокаивающий голос в том разноречивом многоголосии, в которое он был постоянно погружен. Александра же совершенно, со всей свойственной ей страстностью, уверовала в него. Для нее было очевидно: Божественное покровительство даровано через него. Обыденная жизнь, частные грехи Распутина уже не имели для нее значения. Теперь только он мог ее вести, а она – с его и Божьей помощью – направлять Николая. Это был ее «деятельный подвиг» во имя общего (их с семьей и России) чудесного спасения.

Роль «народного старца», охранявшего и направлявшего (благословлявшего) царскую чету, возрастала в момент опасности, чрезвычайного напряжения всех сил страны. И неизбежно обретала политический характер, делалась очевидной для общества. Это отражение властечентричности русской политической культуры; сопряженности в ней неполитической, «закрытой» для «непосвященных», сферы и области публичной политики. Распутин «вел» власть, главным делом которой было «вести» все российское государство. Поэтому его неполитическое, по существу, влияние, ограниченное

семейным кругом и верой, проникало в среду государственную, политическую.

Г.Распутин впервые в XX в. продемонстрировал специфику русской политики. В пространстве неполитического, за пределами того публичного круга, где действуют институты, партии, правовые нормы, тоже совершается политическое действие, завязываются узлы. нити которых затем прорастают в публичную сферу. Оно скрыто «тайной власти», раскрыть которую все время старается общество, называя действующие там силы «темными», «семьей», часто придавая им несвойственное значение. «Лицом» этой среды становится тот исторический персонаж, который олицетворяет качество, наиболее важное в данный момент для власти: Распутин (отчасти Победоносцев) – ее поиски в области сакрального; Сулов («серый кардинал» брежневского «застоя») – идеологию; Березовский (этот Распутин эпохи первоначального накопления) – деньги. Они направляют власть, обеспечивая удовлетворение ее главной (на тот момент) потребности. Их роль не существенна вне власти.

Распутин стал символом «неправедной» власти, ведомой «темными силами», за грехи которой расплавляется вся страна. Второе такое явление, близкое ему по природе – Б.Березовский, – закрыл русский XX век. Это обманувшие власть «старцы», ложные пророки. не открывающие ей волю Провидения, а ведущие ее к гибели. Но могут быть у власти и святые старцы. В народном представлении если власти что-то и удастся, то благодаря светлым («привластным») силам. Это противопоставление по линии «доброе» – «злое» – традиционная операция, которая производит русское сознание (по отношению к власти, в том числе) для примирения с катастрофизмом действительности: все хорошее, что обычно не получается, переводится, вытесняется в область альтернатив (не состоявшегося, но возможного), вымышленного. Такой альтернативой для власти в начале XX в. была святая старица Елизавета Федоровна. Как светлая сила, которая не в состоянии побороть Зло, она выступила его обличителем, называя и разоблачая его.

В этом своеобразном, символическом противостоянии Распутину в области веры проявилась самостоятельность роли великой княгини, приобретающей политическое значение. Вспомним последний разговор Елизаветы с Александрой Федоровной. Он был понят как политическая акция, поэтому и вызвал такое раздражение императрицы. Но это – не проявление семейной оппозиции. Настоятельница Марфо-Мариинской обители выступала в данной ситуации как светская старица, воплощение совести и попранной веры, поучавшая власть. Примеряя к себе миссию «ведения» власти, она, отрекшаяся от света и политики, начинала играть политическую роль, неизмеримо более важную, чем прежде.

Показательно, как точно в этом разговоре Елизавета Федоровна характеризовала Распутина: «похотливый и святотатственный

⁴⁰ См.: Палеолог М.
Указ. соч. С. 121.

обманщик» (самозванец) и посланец Сатаны⁴⁰. Это исчерпывающий портрет, позволяющий понять «злого гения» династии. Распутин – самозванец, но не от власти, а от Бога. Он не оправданно, самовольно присвоил себе право называться посланцем Божиим, внося самозванничество уже не в династический принцип, а в сакральную легитимацию власти. Тем самым, безусловно, поколебал ее основы, нарушил ее метафизическое обоснование в представлениях народа. Другую характеристику Распутина – предтеча Антихриста – нельзя понимать как метафору; в ней скрыт глубокий смысл. «Покровский эротоман-мистик» (М.Палеолог) происходил из иного культурного слоя, принадлежал к «ночной» субкультуре «низов», народа. Тот же М.Палеолог отмечал: «По странному явлению коллективного заблуждения, престиж старца нигде не утверждался сильнее, чем в серьезной среде, в кругу лиц образованного поведения и нравственности»⁴¹. Закономерно, что в силу своей инаковости Распутин «заворожил», «загипнотизировал» петербургское общество – концентрат «дневной» культуры «верхов».

⁴¹ Там же. С. 105.

Это иное, чужеродное начало ощущала в нем Елизавета Федоровна, сама принадлежавшая к «дневному» культурному слою (утонченному, европеизированному, внутренне христианизированному и рационализированному). Оно привлекло к Распутину и царскую семью. Но для Николая и Александры он воплощал мечту о народе, идеал которого они (как люди вполне современные) искали в прошлом, в гармонии допетровского самодержавия. Это заблуждение (покровский крестьянин – человек из прошлого) разделяли с императорской четой представители общества. А.И.Гучков в своей обличительной антираспутинской речи 9 марта 1911 г. назвал Распутина «загадочной трагикомической фигурой, точно выходящем с того света или пережитком темноты веков, странной фигурой в освещении XX века». Образ путали с реальностью: Распутин был порождением современного народа, продуктом разрушения традиционных идеалов, связей, жизненного уклада русского крестьянства, совмещавшего христианство с сектантской темной (от земли) силы, которая искала выхода, но была еще скована, сдерживаема, окультурена верхами».

⁴² Цит. по: Ольденбург
С. С. Указ. соч.
С. 450.

Это принес с собой Распутин в высший петербургский свет, во дворец. С царями-покровителями он смирял свою пугающую силу; Петербург был свидетелем ее демонстрации. Она была напитана явно нехристианской религиозностью, буйством и какой-то ненормальной, чрезмерной сексуальностью. Все недоброжелатели называли царского пророка грязным, порочным мужиком. И власть была опорочена им, распутником (явно символическое значение имеет фамилия старца последних царей), по «сексуальной линии». Символично, что именно это в лже-пророке отмечала Елизавета Федоровна, воплощение моральной чистоты и целомудрия. То, что в стране, где девство было одной из предельных сакральных ценностей, такое

значение приобретало сексуальное начало, свидетельствовало о близости «полового раскрепощения» ленинских времен. О грядущем освобождении – всех, во всем и от всего (правда, недолгого и грозившего адекватным закрепощением).

Приближая Распутина, возвышая его до положения старца. Николай II раскрепощал ту страшную разрушительную силу, которую он символизировал, внеположную Богу, вере, власти, Помазаннику Божьему. Вероятно, обращаясь к нему и Александре в последний раз, Елизавета Федоровна пыталась предостеречь, спасти, исполняя обет деятельного служения ближним во имя Христово. Для нее они были теми «страждущими», страдающими душой, помощи которым она посвятила жизнь. Но ей не удалось научить терпению, укрепить, помочь раскатыться. Весь окружающий ее мир уже невозможно было удержать верой, молитвой, «божественной санкцией». Первой жертвой «раскрепостительного», «освобожденческого» социального катаклизма стал сам Распутин. Его убийство (очень схожее – по существу и технологически – с уничтожением царей и великих князей) послужило предвестником гибели монархии, царской семьи, императорской фамилии, превращения всей «старой» России в «бывшую».

Только в смерти и посмертной судьбе Елизавета Федоровна соединилась с теми, с кем ее разделила жизнь. Но и здесь ей была суждена своя дорога. Канонизация последних Романовых служила делу реабилитации – семьи, церкви, монархии, имперской России. Освящение образа Елизаветы Федоровны происходило тихо, естественно, гармонично. И, как закономерный итог ее жизненной истории, было связано только с нею самой. Станным образом сложилось так, что церковь, власть, история больше нуждаются в святой великой княгине, чем она в них. Как-то незаметно, без явных усилий, она заняла свое место в прошлом и настоящем России.